

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ ЭТНОЛОГИИ**

**Документ N 27
С.ШИНКЕВИЧ, И. Ю.ЗАРИНОВ.
Поляки Российской империи и СССР:
историческая справка и характеристика
современной ситуации.**

**МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**

СЕРИЯ А

Материалы серии отражают точку зрения авторов и могут не являться официальной позицией Института.

При использовании ссылка на материалы обязательна

Редакционная группа: В.А.Тишков (отв.ред.)

Н.А.Лопуленко

М.Ю.Мартынова

С.С.Савоскул

С. Шинкевич
И Ю. Заринов

Поляки Российской империи и СССР^Ж: историческая справка и характеристика современной ситуации.

I. Положение польского населения Российской империи до образования СССР.

Расселение поляков на территории дореволюционной России (а затем и в СССР) происходило под влиянием эндогенных и экзогенных причин, причем обе они были исторически обусловлены миграционными процессами, происходившими в течение длительного времени. Под эндогенным населением в данном случае понимаются поляки, обитавшие в регионах, ранее входивших в состав бывшей Речи Посполитой. Всех остальных поляков, проживавших в границах Российской империи, можно отнести к категории экзогенного населения.

Географическое соседство и тесные политические связи между восточнославянскими, литовским и польским этносами создавали условия для их взаимного смешения и обуславливали амальгамационные процессы в контактных зонах, начавшиеся еще в эпоху средневековья. Составной частью этого процесса было проникновение польского этнического элемента на территории современной Украины, Белоруссии и Литвы. Подтверждением этому может служить значительный процент польского населения в составе Запорожской Сечи, которое, по-видимому, вместе с выходцами из других этнических культур участвовало в этногенезе украинцев¹. За два столетия, прошедшие между заключением польско-литовской унии 1569 г. и разделами Речи Посполитой, заселение поляками восточных земель происходило практически непрерывно без административных препятствий и охватывало все сословия населения за исключением купечества. Богатые магнатские дворы привлекали для работы различные социальные группы населения, в том числе с высоким уровнем

^Ж Историко-культурные реалии, отображенные в данной работе,

образования. За этим процессом обычно не успевал католический костел, вследствие чего отрезанные от постоянного влияния польской культуры многие переселенцы переходили в православие. О длительном существовании, например, польских деревень на Волыни и в Полесье говорит тот факт, что до сих пор их остатки расположены вдоль старых торговых и транспортных путей².

Трудно проследить следы первых миграционных волн поляков в русскую среду, имевших место в XVII в., в результате войн между Польшей и Россией. Известно только, что пленные поляки участвовали в колонизации Якутии и что ими была основана крепость Албазин на Амуре, администрация которой вела дипломатическую переписку с Пекином на польском языке.

Демографическая ситуация польского этнического компонента накануне распада СССР (1989 - 1.126 тыс.) имеет в своей основе те исторические реалии, которые сложились в XVIII в. в контактных зонах, очерченных восточными границами Речи Посполитой вместе с Великим Литовским Княжеством и Курляндией до их захвата Россией 1772-1795 гг. Остальные польские анклавные (включая все зоны дисперсного расселения поляков) на территории царской России возникли в основном в конце XIX и начале XX вв. вследствие массовых политических ссылок, стихийной и организованной миграции, вызванной капиталистическим развитием России, а также, в меньшей степени, колонизацией свободных земель крестьянским населением (Иркутская область и Алтайский край). В отличие от экономической эмиграции поляков в западную Европу и обе Америки, состав мигрирующих в Россию включал большой процент квалифицированных рабочих и технической интеллигенции.

Бывшие восточные земли Речи Посполитой в XVIII столетии были этнически смешанными; поляки составляли там, в зависи-

---

не уместаются в границах территорий Содружества независимых государств, поэтому авторы сочли возможным пользоваться названием государств, где эти реалии просуществовали несколько сот лет.

мости от региона, более или менее весомую, но никогда не доминирующую часть³. В большинстве своем это была шляхта, часть которой была впоследствии лишена русской администрацией дворянского титула и переведена в состав однодворцев или простых граждан. Было также известное количество крестьянского населения, называемого "мазурами" (главным образом на Белоруси и Украине, но также в Литве и Латвии). Происхождение этого названия только отчасти объясняется миграцией с Мазовии, высокая динамика которой была вызвана перенаселением этого региона Польши и свободным (некрепостным) положением некоторых его жителей. В остальных случаях "мазуры" - это собирательное наименование для выходцев из этнической Польши. Первоначально мазурами (или будниками) называли лесных работников, производивших поташ и основавших поселки с часто повторяющимся названием Буды.

На Украине после ее раздела Польшей и Россией в опустевшей ее западной части в XVIII в. стали интенсивно создаваться целые деревни. Это наблюдалось и в южных районах Белоруси, пострадавших от длительных казацких восстаний и польско-турецких войн. Вследствии религиозной индифферентности, которая наблюдалась в то время в этих краях, а также из-за экономии средств жители строили в таких поселениях деревянные униатские церкви; в местечках же встречались, но редко, каменные костелы. Такая политика способствовала постепенному переходу католических поселенцев в униатскую церковь.

В XIX столетии польское эндогенное население России стало пополняться рабочей силой, привозимой дворянством из центральной Польши для функционирования возникающих в поместьях предприятий капиталистического типа (стеклянные, сахарные и другие заводы). В последние десятилетия царского правления в этих районах появляются крестьяне-переселенцы, которым предоставлялась возможность преимущественного приобретения земли при условии перехода в православие. Однако с вы-

ходом закона о веротерпимости (1905 г.) эта категория населения возвращалась в католическую веру. Считается, что поздняя крестьянская экономическая иммиграция составила около 18-20% польского сельского населения Белоруси и почти 30% Украины⁴.

В результате ассимиляционных и аккультурационных процессов, заметных уже в XVII в., большинство местного украинского, белорусского и литовского дворянства, впитывая польский язык и культуру, переходило со временем в католицизм и инкорпорировалось таким образом в польский этнос. Этногенез на территории Литовского Княжества происходил в XVII и XVIII столетиях ~~оперевесом~~ в пользу поляков, но ^{ни} ~~помать~~ этот процесс односторонне было бы неправильно, ибо в результате его возникало двойное самоопределение, выраженное через распространенное заявление "gente Ruthenus natione ^{Polonus}" (я родом из рутенов, по национальности поляк). Свойственное этому процессу приобщение к двум культурам часто приводило к резким изменениям этнической принадлежности среди членов даже одной семьи.

Присоединение к России одной из частей разделенной Речи Посполитой, упразднение греко-католической (униатской) церкви в 1839 г. в наказание за восстание 1830 г. (а в 1875 г. и в восточных районах Царства Польского) и, наконец, насаждение православия привело к известному явлению — руссификации части белорусов, украинцев и поляков. Государственная пропаганда была направлена на утверждение об исконности русского элемента на данных территориях, провозглашая православие как патриотическую обязанность. Результатом такой политики стали конфискация костелов и монастырей, запрет католикам покупать землю, дискриминационный закон о смешанных браках и, наконец, разжигание классового и национального противостояния крестьян и дворянства (особенно это стало заметно после двух польских восстаний). Данная политика привела к изменению внутри дворянства, увеличив в

его среде православных и великорусов. В Галиции, находившейся в составе Австрии, но руководимой польской администрацией, параллельно проходило развитие украинского самосознания среди шляхты.

Провозглашение в России веротерпимости облегчило для многих белорусов, бывших униатов, переход в католицизм. В некоторых уездах, имевших в 1905 г. 50–70 процентов православных, их число к 1913 г. сократилось до 5–32%⁵. В контексте слабо развитого этнического самосознания конфессиональный признак являлся в XX в. основным критерием этничности в Белоруссии: католик – поляк, православный – белорус. Это негласно признавалось русской администрацией (примером тому могут служить "польские курии" в столыпинских земствах в западных губерниях Российской империи. Польские и русские курии организовывались отдельно друг от друга для выборов в Государственный совет 1913 г., при этом в русские курии зачислялись все национальности, кроме поляков и белорусов-католиков⁶. Тот же самый конфессиональный принцип был впоследствии принят польской администрацией на территории Западной Белоруссии. Надо сказать, что он внес определенную сумятицу в точность этнического самоопределения, ибо по данным российской переписи 1897 г., 5,6% православных Царства Польского заявили о своей принадлежности к полякам⁷, а польская перепись 1931 г. обнаружила православных поляков среди дворян Белоруссии⁸. Об условности такого деления свидетельствует также возникшее в начале XX в. белорусское течение в польской католической церкви.

Конфессиональный фактор приобрел, тем не менее, громадное значение вследствие запрета царскими властями изучения польского языка, который все более исчезал из разговорной речи сельского населения Белоруссии и Украины. Кратковременное восстановление его в восточных областях в период существования II-ой Речи Посполитой (межвоенный период) привело к специфическому двуязычию: польский язык употреблял-

ся как праздничный, литературный и церковный среди польского, части белорусского и украинского крестьянства (в быту развивались различные варианты простого языка, который, вероятно, представлял собой смесь диалектов польского, русского, украинского и белорусского языков). В повседневной речи польский язык употреблялся главным образом в среде польской шляхты Украины и наиболее образованной части шляхты Белоруссии. Здесь стоило бы подчеркнуть, что в среде городской интеллигенции Минска и Киева (не говоря уже о Вильнюсе и Львове) польский язык и культура достигли высокого уровня широкого распространения.

Точные статистические данные о поляках в России (включая период советской истории) отсутствуют, а оценочные сильно различаются ввиду политических пристрастий составителей переписей. Такая ситуация продолжается и в наши дни, особенно в Белоруссии и Литве, где на волне этно-национального возрождения провозглашаются лозунги о существовании лишь полонизированных ("заблудших") белорусов или литовцев.

В указанном ареале (Белоруссия, Литва, Курляндия, Украина) после присоединения его к России в 1795 г. число поляков оценивалось в 558,7 тыс.⁹. Цифра эта представляется заниженной, поскольку автор считал только дворян, корректируя их количество по данным 40-х годов XIX в.¹⁰, т.е. того периода, когда в результате репрессий против повстанцев, многие из них лишились дворянского титула. По данным переписи 1897 г., на той же самой территории проживало 905,6 тыс. населения, назвавших польский родным языком, и в два раза больше католиков (в Белоруссии и на Украине). Интересно в этом отношении сопоставление численности отдельных национальностей данного региона. Ниже эта численность приводится в процентах по ревизии конца XVIII в. (по Кабузану, *Op.cit.*) переписи 1897 г. (учитывается только язык данной национальности) и по оценке польского видного географа-демографа Е.Ромера на 1909 г.¹¹ (табл. I).

Таблица I.
Доля отдельных национальностей в %

Территория	Поляки			Белорусы		Украинцы	
	1796	1897	1909	1796	1897	1796	1897
Белоруссия и Литва	5,4	5,4	27,0	62,4	53,7	-	-
Правобереж- ная Украина	7,8	3,3	18,2	-	-	87,8	76,9

Выше отмечалось, что есть основания считать заниженным исчисление поляков, сделанное В.М.Кабузаном по состоянию на 1796 г. Это подтверждается неизменным показателем употребления польского языка в Белоруси и Литве столетие спустя, хотя за это время проходила интенсивная руссификация, результатом которой было падение численности поляков на Украине, а также белорусов и украинцев в основных районах их проживания. Это падение можно справедливо рассматривать как искусственное, о чем свидетельствует сопоставление их численности, наблюдаемое в XX столетии. В связи с этим доля поляков в конце XIX в. в этом регионе также должна быть более высокой, ибо в отношении к ним статистика манипулировала не меньше, а даже больше, чем в отношении белорусов и украинцев. Подтверждается это переписью, проведенной австрийскими оккупационными властями в Хелмской губернии в 1916 г., которая показала численность поляков почти 2,5 раза больше, чем перепись 1897 г. на той же самой территории¹². Поэтому цитируемая в примечании оценка Э.Ромера не является беспочвенной.

За пределами эндогамного ареала в начале XVIII в. количество поляков не достигало и 4 тысяч¹³. Большинство из этого числа проживало в Лифляндии, т.е. вне собственной территории России. Этот факт указывает на то, что лишь со време-

ни третьего раздела Польши начинается значительно увеличение поляков на этнической карте России. Перепись 1897 г. зарегистрировала около 150 тыс. поляков в европейской части России и около 50 тыс. в Сибири, Средней Азии и на Кавказе. По польским оценкам на это время приходилось свыше 100 тыс. ссыльных (8 тыс. с конца XVIII в., 50 тыс. после восстания 1830-31 г. и свыше 100 тыс. после восстания 1863-64 г.). Накануне I мировой войны их количество за счет новых мигрантов достигло 600 тыс.¹⁴

Среди последних видное место занимала техническая интеллигенция (например - выдающийся строитель петербургских мостов С.Кербедь), юристы, преподаватели университетов. Некоторые из них занимали высокие должности, переходя иногда дозволенную границу, предусмотренную для католиков (наприм. ректор Казанского университета О.Ковалевский). Среди ссыльных поляков, а также добровольных польских мигрантов в гуманитарных и естественных науках стали широко известными языковед Э.Пекарский, этнограф В.Серошевский, основоположник монголоведения уже упомянутый О.Ковалевский, основатель бурятской археологии Ю.Талько-Грынцевич, зоолог Б.Дыбовский, географ А.Чекановский и др.). Громадную популярность в мире приобрели такие художники как К.Малевич и С.Жуковский, а также польско-русский писатель Бруно Ясенский, казненный в 1939 г. Ассимилируясь в русской среде многие из них теряли связь с польской этнической культурой. Единственное, что их связывало с ней, было их "польское происхождение" ("поляки в роду"). Более отчетливо ассимиляционные тенденции проявлялись во втором поколении ссыльных. Ярким примером этому утверждению могут служить такие имена как К.Э.Циолковский, В.Г.Белинский, Н.Г.Чернышевский, Н.М.Пржевальский и др.

Специальное место в истории поляков России занимают железнодорожники всех специальностей от главных инженеров до рабочих и машинистов. Железнодорожное дело в Российской Империи особенно интенсивно развивалось на территории

Польша и, естественно, поляки усваивали его лучше других, работая экспертами везде, где строились и эксплуатировались дороги (от Кавказа до Владивостока и Харбина). В обслуживании этого вида транспорта России поляки были наиболее многочисленной этнической группой после русских. Они же до 30-х годов XX в. (до начала массовых репрессий в СССР) составляли важную часть персонала московского, ленинградского, смоленского и других депо.

Особо следовало бы сказать о присутствии польского этнического элемента в армии, где поляки обычно составляли свыше 10% офицерского состава любого гарнизона, расположенного вдали от Польши. Простые солдаты польского происхождения посылались в наиболее трудные места, (например, на Сахалине их число превышало количество русских (1897), а в ташкентском гарнизоне в 1893 г. половина солдат и 3 генерала были поляками)¹⁵. Несколько офицеров из поляков получили известность как путешественники и географы, исследователи Памира и Гиндукуша (например, ген. Громбчевский, полк. Барцевский). В общем, поляки в Средней Азии были преимущественно или военными, или железнодорожниками, а с этой средой близкий контакт имели учителя, врачи, купцы, промышленники, банковские служащие, как это было в Закаспийском Крае и Туркестане. Царские власти не разрешали полякам создавать официальные общества кроме благотворительных. Кроме этого польский язык был запрещен в религиозной практике. Однако в период с 1902 по 1917 гг. поляки смогли построить в Туркестане 4 костела, 8 часовен и молитвенных домов, обслуживаемых обычно одним только священником¹⁶. Специфика регламентаций в присмотре за жизнью польских колоний в Средней Азии (не ссыльных людей), состояла в том, что власти разрешали проявлять общественную энергию публично только в религиозной сфере, а что касалось быта, семьи и неофициальных обществ, то здесь власти вели себя просто индифферентно, т.е. не разрешая, но официально и не запрещая их деятельности, если она носила этно-

культурную направленность.

Более свободно полякам жилось в двух столицах, в связи с чем в С.-Петербурге и его пригородах поляков насчитывалось свыше 42 тыс., а в Москве ок. 10 тыс. (1897). Действовали организации, которые назывались "Дом польски"; первая из них возникла в Одессе в 1900 г., за ней - в Харькове, Москве (1906) и других городах России. Их уставы обычно провозглашали "объединение поляков среднего класса", ибо средние предприниматели и состоятельная интеллигенция свободных профессий доминировали в городской среде. Общества типа "Дом польски" имели обычно библиотеку, музыкально-хоровое товарищество, физкультурную организацию, женский, студенческий и скаутский отделы. Польские дома покровительствовали польским лицам (как правило, не менее двум - женскому и мужскому) и издательствам на польском языке. Рядом существовал один-два католических прихода с костелами, возведенными за деньги, собранные среди поляков в России и Польше. В С.-Петербурге и Киеве существовали мощные польские культурные центры, имевшие тесные связи с подобными структурами в самой Польше. Они осуществляли свою деятельность как внутри польской этнической общности, так и во вне ее, участвуя в общероссийской культурной и общественной жизни.

Итак в царское время поляки в России составляли одну из самых многочисленных и влиятельных из неавтохтонных этнокультурных групп. К общему количеству, превышающему 1,6 миллиона человек, во время I-ой мировой войны прибавилось еще 1,5 миллиона эвакуированных и беженцев, из которых около 10% осталось на территории СССР¹⁷. После революции волна реэмиграции захватила многих поселенцев довоенного периода как деревенских, так и городских. В результате этого процесса число поляков по переписи 1926 г. сократилось до 782 тыс., из которых 476 тыс. проживало в тогдашней Украине, 97,5 тыс. в Белоруссии и почти 210 тыс. в остальной части СССР. Следует подчеркнуть, что основную массу польского населения Украины и Белоруссии составляли крестьяне, в то время как лица

польского происхождения, проживавшие в РСФСР, принадлежали к группе квалифицированных мигрантов, осевших там на рубеже XIX и XX веков. Свидетельствует об этом и удельный вес грамотных - один из наивысших среди всех этнических групп Советского Союза - 75,6% для поляков в собственно России; с Белоруссией и Украиной он, правда, понижался до 53,8%, что однако превышало показатель грамотности у других славянских народов¹⁸.

2. Советский период.

Ситуация поляков в СССР определялась примерно теми же закономерностями национальной политики, которая проводилась и в отношении других этнических групп. Некоторые отличия возникали под влиянием интересов внешней политики, а позже - в результате особой подозрительности по отношению к польским коммунистам, которая переносилась на весь народ. В памяти старшего поколения поляков сохранилось убеждение о том, что прежде чем власти стали пристрастны /со знаком минус, конечно/ к представителям других национальностей /немцы, финны, евреи и др./, поляки были, пожалуй, первыми, кому приходилось скрывать свою этническую принадлежность в школе, на работе, в ЗАГСе и т.д. Как показали опросы, проведенные авторами во время полевых исследований в нескольких регионах СССР¹⁹, уже к 1932 г. проявилась самозащитная тенденция заявлять о принадлежности к русской национальности при заполнении документов. В первые послереволюционные годы на отношение к полякам влияло их сравнительно активное участие в революции и строительстве нового строя /наряду с латышами и евреями/, хотя примерно одинаково активными поляки были и в небольшевистских течениях.

Подобное место поляков в раннем советском обществе стало причиной того, что в западных республиках СССР, точнее в Белоруссии и на Украине, довольно рано обосновались Польские бюро Центральных комитетов этих республиканских партий. Поляки, например, занимали всевозможные аппаратные посты в

количестве превышающем их пропорцию населения в Белоруссии²⁰. В этой связи результаты анализа социо-этнической ситуации /1925 г./ позволили прийти к выводу, что складывавшаяся тенденция многонациональности в республике /например, наличие четырех государственных языков/ затруднит развитие белорусского этноса как основы нации. С тех времен подозрительное отношение части белорусской интеллигенции к полякам принимает черты, напоминающие антисемитизм, и в определенной степени заменяющие последний. Правда, государственная политика Польши в Западной Белоруссии давала немало оснований для такого отношения, но это отдельный вопрос.

В политике украинских властей того времени также замечалось стремление к ограничению влияния польского элемента, хотя это проявлялось в меньшей степени, чем в Белоруссии. В этом отношении показательны итоги переписи населения в обеих республиках, опротестованные Польским бюро ЦК. По повторной переписи, проведенной в некоторых районах, количество поляков увеличилось в среднем на 60% на Украине, а в Белоруссии в 4 раза, но это не нашло отражения в конечных ее итогах²¹. Можно сказать, что деятели Польского бюро в Белоруссии, находясь под давлением политики белоруссизации, не были в состоянии противостоять большинству случаев фальсификации переписи²². Вероятно, та же тенденция присутствовала и в последующих переписях, ибо она получила "теоретическое" обоснование в утверждении о полонизации белорусов. К сожалению, отголоски этой тенденции наблюдаются и в наши дни. Они проявляются в упрощении сложнейшего процесса взаимодействия польской, украинской и белорусской культур. В результате даже среди профессиональных исследователей можно наблюдать определение части смешанного в этнокультурном отношении населения Белоруссии как ополяченных белорусов.

На территории РСФСР статистические манипуляции в отношении поляков, нацеленные в Белоруссии и на Украине на ус-

тановление желаемого для политического руководства предела их численности, не имели смысла в связи с их несущественным удельным весом в обществе. Однако, как указывалось выше, в 30-х годах в РСФСР наблюдался и реальный спад численности поляков в результате изменения у некоторых из них этнической самоидентификации. Последняя тенденция – как итог естественного ассимиляционного процесса – имела место также и в Белоруссии, и на Украине. К сожалению, показать в цифрах действительную динамику этого процесса не представляется возможным. Остановимся лишь на данных /количество поляков/ официальных переписей советского периода²³ (табл.2).

Таблица 2
Количество поляков в СССР по республикам

Республика	Год проведения переписи				
	1926	1939	1959	1979	1989
Белоруссия	97.498	58.362	538.881	403.169	417.720
Казахстан	3.762	54.670	53.102	61.136	59.956
Латвия	-	-	59.774	62.690	60.416
Литва	-	-	230.107	247.022	257.994
РСФСР	138.332	142.458	118.422	99.733	94.594
Украина	476.435	360.728	363.297	258.309	219.179
СССР	782.323	616.218	1.380.282	1.150.991	1.126.334

Благоприятное положение поляков в начале советского периода, как это не парадоксально звучит, было результатом войны большевиков с Пилсудским в 1920 году, в ходе которой советское руководство надеялось на распространение революции на территорию Польши. Независимо от итогов этой войны создание будущей Польской советской республики оставалось в планах новой власти в России. Благодаря усилиям Мархлевского, Дзержинского и Кона, была принята тактика дальнейшей подготовки революционных кадров и строительства у западной

границы образцового бесклассового польского общества, которое должно было стать примером для соседней Польши. Идея создания польской антибуржуазной пролетарской культуры как авангарда социалистической революции в Польше стала доминирующей в деятельности польских коммунистов. Одновременно она была механизмом оживления национального самосознания среди польского населения²⁴. Для этой цели польско-советские функционеры активно ратовали за польские автономные образования.

Первым возник нацрайон им. Мархлевского на Украине в 1925 г., в следующем году стали создаваться нацсельсоветы в Белоруссии. В 1932 г. там был образован нацрайон им. Дзержинского. Существовало 150 польских нацсельсоветов на Украине и 24 в Белоруссии, в которых было 677 школ с преподаванием на родном языке. Распространялась печать и работало радиовещание на польском языке. На первых порах относительно свободно действовали католические приходы, особенно в сельских местностях. В Минске и Киеве открылись два польских вуза, три профессиональных театра, а общее число польских газет союзного и районного масштаба достигло 23. Однако спустя несколько лет, польские структуры стали упраздняться одними из первых. Этот процесс начался в 1933 г. и завершился в 1937 г., хотя этнокультурные учреждения других народов просуществовали до 1939-40 гг. Свертыванию польских нацрайонов и сельсоветов сопутствовало закрытие польских школ и других форм этнокультурной жизни.

Постепенная ликвидация польской культурной и территориальной автономии стала следствием изменений общеполитической обстановки в СССР. Советское руководство потеряло надежду воздействовать на Польшу путем создания конкурентной польской культуры пролетарского типа, а в условиях внутреннего социально-экономического напряжения понадобился внешний враг, для чего Польша подходила в первую очередь как ближайший сосед. Наличие польских поселений возле гра-

ницы, первоначально считавшееся полезным, вдруг стало рассматриваться с противоположных позиций. Подобная метаморфоза привела к репрессиям широкого масштаба; в 1936 г. поляки, наряду с немцами, одни из первых подверглись массовому выселению из Украины в Казахстан, став частью системы ГУЛАГа. Любопытно, что всем этим процессом руководил генсек ЦК КП(б)Укр. С.В.Косиор, поляк по национальности. По разным подсчетам, в Казахстан тогда было переселено от 100 до 130 тыс. поляков, из которых выжили 50-60 тыс. Так образовался еще один очаг компактного расселения поляков в СССР.

После занятия советской армией восточных территорий Польши в 1939 г. многие их жители и военные (особенно офицерский состав) стали узниками лагерей, либо поселенцами в Казахстане. В 1942 г. поляки, как и некоторые из других народов, были причислены к "враждебным национальностям", вследствие чего ими пополнялись отряды трудармии. Вместе с тем, Польша считалась союзником СССР в войне с Германией, поэтому на территории Советского Союза происходило формирование польской армии, в которую попадали и ранее заключенные поляки. Постепенно и неформально, без особой гласности многие из них выводились из ранга "враждебных" и переводились в ранг "союзников". Таким образом во время войны и в ходе двух послевоенных волн репатриаций большое количество семей и отдельных лиц возвратили себе польское гражданство или приобрели его вновь, переехав в Польшу. Результатом этого можно считать тот факт, что практически почти в каждой деревне (в районах компактного расселения поляков бывшего СССР) есть семьи, имеющие родственников в Польше. С начала 60-х годов этот фактор заметно воздействовал на польское этническое самосознание внутри СССР, приобретая значительную силу, особенно в последнее время.

Польское население в СССР в основном состояло из ряда региональных этнических образований, представлявших собой этнические компоненты различных пространственно-временных

этнокультурных комплексов, не имевших ни культурного единства, ни национального центра. Этническая самоидентификация более всего базировалась на осознании своей принадлежности к польскому народу, и в меньшей степени, на отличительных чертах польской культуры или языка /на практике последние редко являются этнодифференцирующим признаком/. До сих пор наблюдается изоляция от этно-национальных ценностей самой Польши, вызванная асинхронностью процессов социализации и энкультурации, ибо с XIX в. вне Царства Польского в ходе школьного образования польской молодежи передавался набор ценностей и стереотипов, почерпнутых из русской культуры /за исключением дворянских и более состоятельных семей, способных оплатить частное образование/. Итак, поляки, проживающие в иноэтнической среде, будучи далекими от собственных культурных моделей, не могли в достаточной степени проявлять культурного антагонизма и дифференцироваться от иноэтнического окружения.

Реальной основой в осознании своего этнического отличия становилась единственно существующая яркая специфика - вероисповедание²⁵. Религия стала главным этническим признаком в польских автономных образованиях СССР раннего советского периода. Это не могло не вызвать отрицательного отношения к польскому католицизму со стороны проповедующих атеизм организаторов данных автономий. Они проводили пропагандистскую борьбу с "идеологией религиозно-национального единства". Подобное понимание критерия этнической идентификации поляков встречает и сейчас сильное сопротивление в Белоруссии, особенно среди деятелей белорусского национального обновления. Отрицая корреляцию конфессии с этносом, они таким образом одновременно отрицают право субъективного этнического самоопределения с привлечением религиозного отличия как одного из вариативных показателей. В этих взглядах просматривается игнорирование /вольное или невольное/ права индивида на выбор своей этнической принадлежности. Основным

их аргументом является наличие сравнительно небольшой группы белорусов-католиков, в основном бывших униатов, не захотевших после запрета греко-католической церкви перейти в православие. Среди них есть, конечно, и такие, которые в трудные 30-е годы конъюнктурно заявили о своей польскости, рассчитывая на льготные условия при раскулачивании под защитой автономных структур.

Говоря о религиозном факторе в этническом развитии нельзя не учитывать, что, как и другие конфессии, католицизм не просто религиозное явление, но во многом и этнокультурная структура, играющая, особенно в сельской местности, роль единственного многовекового центра этнической консолидации и интеграции в отсутствие школы и других организованных форм социальной жизни, имеющих этническую специфику. В этой связи обращает на себя внимание очень сильная привязанность к церкви современного поколения поляков, хоть и воспитанных в обществе с атеистической идеологией. Из всех информаторов, признавших себя поляками во время полевых исследований 1990 и 1991 гг. в Латвии, Белоруссии и Казахстане ни один из них не обнаружил своей приверженности к атеизму или к не католической конфессии²⁶. Этот и другие факты дают возможность констатировать, что независимо от иных убеждений индивида, его конфессиональная принадлежность имеет прямую связь с его этнической самоидентификацией. Церковь в данном случае играет громадную роль во всей структуре символической культуры этноса и его частей, которая, в свою очередь, сама есть важная составляющая в таком историко-культурном феномене как этническое самосознание. Непонимание этой роли церкви приводит, например, к обвинению польского костела в его участии в процессе "ополячивания" в районе компактного проживания поляков в Белоруссии и на Украине, т.е. искусственной ассимиляции рядом проживающего населения. На самом деле одна церковь неспособна охватить этот процесс; для его успеха нужна общественная среда с определенной исторической культурой. Именно этот фактор

играл основную роль с начала XIX столетия в процессе постепенной ассимиляции самих поляков, проживавших в восточнославянском окружении. Основным показателем этого процесса является низкий уровень употребления польского языка в качестве родного. По данным переписи 1989 г., им пользовались по всему Союзу только 30,5% /для сравнения у болгар 68,1%, у немцев 48,7%/ . В Белоруссии и на Украине этот показатель не превышает 14% (процент довольно низкий по сравнению с началом столетия). Интересно, что степень аккультурации и в целом ассимиляции в крестьянской среде выше, чем в городе, где интеллигенция сильнее стремилась к сохранению своей этнической культуры. Единственной до сих пор страной, где имеются условия для сохранения родного языка, является Литва /85% лиц польского происхождения говорят по-польски/, что отчасти объясняется неславянским окружением, затрудняющим переход на язык соседей. Последний фактор играет такую же роль и в закавказских республиках, где четверть поляков сохранила родной язык, независимо от их дисперсного там расселения. Следует отметить, что у поляков относительно низкий уровень двуязычия: не знают второго языка 38,7% /для сравнения - у болгар 30,9%, у немцев - 53,4%/ . Учитывая то обстоятельство, что поляки в большинстве своем живут за пределами Российской Федерации, этот факт не вызывает особого удивления, однако он объясняет существующий в Польше негативный автостереотип: поляк, не стремящийся учиться иностранным языкам. Независимо от слабой сохранности родного языка среди поляков исследуемых регионов, тем не менее довольно широко распространена пассивная степень его усвоения не соответствующая однако категории владения вторым языком. Значительная роль в этом принадлежит церкви, ибо в молитвенных текстах существует значительное преобладание польского языка.

Ассимиляции во всех ее проявлениях /в том числе и этнокультурном/ способствует уровень образования, в среднем у

поляков более низкий, чем у окружающих народов. Этот вопрос стал одним из важнейших в программах польских национально-общественных организаций, которые воспринимают низкий уровень образования у поляков ^{как} проявление дискриминационного отношения к ним. Ниже в табл. 3 показана доля лиц польского происхождения, имеющих высшее образование /от 6-ти и более лет/ в сравнении с другими национальностями, проживающими на территории Белоруссии, Литвы, Латвии и Украины /по состоянию на 1989 г./.

Таблица 3
Высшее полное образование в %

Народ/республика:	Белоруссия	Литва	Латвия	Украина
поляки	4,7	3,8	6,5	6,5
белорусы	7,1	9,8		
болгары				5,8
латыши			8,2	
литовцы	6,1	8,3		
украинцы			14,8	7,3

Приведенные данные красноречиво отражают истинное положение вещей, особенно в Литве и Белоруссии. В этой связи не удивителен конфликт между польской общиной и политическим руководством Литвы вокруг проблемы, связанной с открытием польского университета в Вильнюсе. Литовское правительство считает вполне достаточным проявлением польского национального развития в республике наличие кафедры польского языка в пединституте. Интересны цифры, отражающие представительство поляков в избранных органах власти. В Верховных советах СССР и Российской Федерации их процент несколько выше относительно той доли, которую они составляют во всем населении этих государственных образований. В литовском Верховном Совете это соотношение достаточно пропорционально, в белорусском оно не в пользу оптимального представительства.

ва поляков, а в украинском они вовсе не представлены²⁷.

Несколько слов о польских организациях, возрождающихся в последнее время. Естественно, что в польских культурных обществах преобладает интеллигенция, и преимущественно, гуманитарная. Таким образом, еще не восстановилась дореволюционная модель их ориентации на средний класс, хотя современные польские общества проявляют активность и в этом направлении, организуя менеджерские курсы с помощью предпринимателей из Польши.

В настоящее время польские общества можно обнаружить в 7-ми республиках бывшего Советского Союза: Белоруссии, Казахстане, Литве, Латвии, России, Украине, Эстонии. В Российской Федерации имеются отделения в 9-ти областях. Основные направления в деятельности этих обществ – это прежде всего организация курсов польского языка, координация различных связей польского населения бывшего СССР с польским государством, распространение информации о современном развитии Польши и другие, так или иначе связанные с усилением этнического /польского/ самосознания.

Что касается истории поляков в Москве, то вкратце она такова: до 1937 г. "Дом польский" /польский культурно-национальный центр/ был собственником 3-х этажного здания на ул. Мархлевского. В том же году произошли аресты деятелей Дома, разграбление его имущества и конфискация самого здания. По имеющимся данным, нынешние городские власти, кажется, не намерены возвратить его, не ответив на официальный запрос по этому поводу. Это же можно сказать и о польском костеле, воздвигнутом в 1911 г. / на деньги, пожертвованные поляками Российской империи/. Костел был отобран у польского прихода в 1931 г., сейчас здание костела является складом строительных материалов и дальнейшая его судьба неизвестна, несмотря на положительное решение Госкомитета по делам религий РСФСР о возвращении его польской религиозной общине. Как и по поводу бывшего здания "Дома польского",

власти Москвы отмачиваются и в отношении польского костела, хотя и не препятствуют воскресным богослужениям возле этого культового здания.

Нынешний "Дом польский" в Москве, как и другие польские организации, не имеет постоянного здания, проводит свои сборы в Посольстве Польской республики в первую и четвертую пятницу каждого месяца.

Польская периодическая печать представлена в настоящее время 5-ю газетами и 3-мя журналами, из них 5 наименований приходится на Литву.

Примечания

1. Оценивается, что в конце XVI в. поляки составляли 20% апорожских казаков; O.Czarnowski, Polacy prawosławni na Rusi, Brześć 1927, s.15. В следующем столетии их стало еще больше.

2. Zaborski B., Rozmieszczenie ludności według języka i wyznania na Polesiu w świetle spisu 1931 r., Warszawa, 1936, s.6.

3. Примером может служить волынская губерния, в которой по переписи 1909 г. поляков было 6,7%, а по уездам разброс составлял от 1,1% в Овручском, до 11,9% в Звягельском.

4. Lukawski Z., Ludność polska w Rosji 1863-1914, Wrocław Ossolineum: 1978, s.86.

5. Romer, E., Ilu nas jest?, Kraków 1917, s.13-14. В большинстве своем в католицизм возвращались прежние католики, вынужденные по житейским соображениям перейти в православие. Количество бывших униатов, ставших по 1905 г. католиками, оценивается около 250 тыс.

6. Bazyłow, L., Problemy narodowościowe w politycznym życiu Rosji po rewolucji 1905 r., w: Naród i państwo, Warszawa PWN: 1969, s.25-35.

7. Romer, цит.раб., с.12

8. Zaborski, цит.раб., с.6.

9. Кабузан В.М. Народы России в XVIII веке, М. Наука: 1990, с.228-229.

10. См. там же, с.216.

11. Romer, цит.раб., с.34

12. Там же, с.15.

13. Кабузан, цит.раб., с.230.

14. Lukawski, цит.раб., с.17-23, 94.

15. Polacy w Turkiestanie w okresie wojny światowej, Warszawa, 1931, s.38.

16. Там же.

17. Emigracja z ziem polskich w czasach nowożytnych i najnowszych (XVIII-XX w.), Warszawa 1984, s.241; W.Тęгобор-

ski, Polacy Związku Radzieckiego, Moskwa 1929, s.87-89.

18. Всесоюзная перепись населения 1926 года, Москва, Изд.ЦСУ СССР: 1928.

19. Материалы этнографической экспедиции в Казахстан 1991 г. - Архив Института этнологии и антропологии РАН.

20. В 1925 г. поляки составляли 12,1% работников ЦК, 7,5% членов ЦК и сотрудников центральных органов, в то время как на местах их количество в процентах составляло 1-3; М. Iwanow, Polacy w Związku Radzieckim w latach 1921-1939, Wrocław, Ossolineum: 1990, s.81.

21. Там же, с.71.

22. Исследовавший этот вопрос М.Иванов ссылается на секретный архивный документ директора минского отделения статистического управления, в котором прямо говорится о том, что во время переписи 1926 г. проводилась кампания дискриминации польского населения, в результате которой количество поляков уменьшено в три раза; там же, с.72. Тот же автор (с.69) указывает, что в сложившихся условиях польскоязычная пресса, издаваемая в Белоруссии, высказывала опасение о возможности преследований поляков.

23. Для сравнения приведем оценку М.Иванова (Iwanow, с.72) реального количества в 1926 г.: в Белоруссии ок.300 тыс., в Украине ок.650 тыс.

24. См. публикации, издаваемые на польском языке: F.Kon, Rewolucja Październikowa a ludność polska w ZSRR, Moskwa 1929; Tegoborski (указанная работа).

25. В этом отношении характерным является частое определение: "поляком есть тот, кто ходит в костел", вместо: "кто католик", где акцент ложится на институт, представляемый костелом, а не просто на вероисповедание.

26. Материалы этнографических экспедиций: в Латвию и Белоруссию (1990 год) и Казахстан (1991 г.) - Архив Института этнологии и антропологии РАН.

27. Тишков В.А. Этничность и власть в СССР - "Советская этнография", 1991, № 3, стр.4,6,9,14.